

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

Пушкинский конфликт в малой прозе А. И. Солженицына

Ю. Е. Павельева

Павельева Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Музей-квартира А. И. Солженицына, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва, up14669@yandex.ru

Одной из определяющих специфику творчества А. С. Пушкина была проблема «законности и милости». Проблемы конфликта закона и милосердия представлены и в малой прозе А. И. Солженицына. В своём творчестве Солженицын даёт своеобразную трактовку той традиции, которая определила магистральное направление развития русской литературы не только XIX, но и XX–XXI вв.

Ключевые слова: традиции, проблематика, законность, милосердие.

Pushkin's Conflict in the Prose of A. I. Solzhenitsyn

Ju. E. Pavelyeva

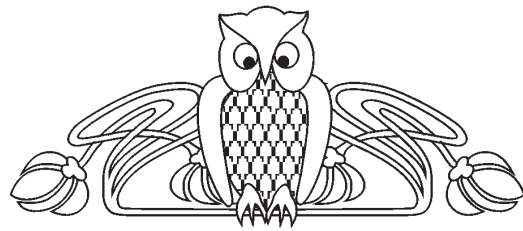
Julia E. Pavelyeva, <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>, Museum-apartment of A. I. Solzhenitsyn, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2 Nizhnaya Radishevskaya St., Moscow 109240, Russia, up14669@yandex.ru

One of the defining features of Pushkin's work was the issue of the 'law and mercy'. The law and mercy conflict is also represented in the prose of A. I. Solzhenitsyn. In his works, Solzhenitsyn gives a distinctive interpretation of this tradition, which defines the main trend of the Russian literature not only of the 19th, but the 20th and 21st centuries as well.

Keywords: traditions, issues, law, mercy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-464-468>

Нобелевская премия по литературе была присуждена А. И. Солженицыну с формулировкой: «За нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы». Традиции русской литературы для писателя, по его собственным неоднократным свидетельствам, представляли огромную ценность. Так, в стихотворении «Триумвирам» нобелевский лауреат указывает на три непререкаемых авторитета, с чьим мнением он привык сверять своё творчество, – А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой¹. Эта же мысль прозвучала и в телеинтервью на литературные темы: «Я думаю, для всех нас уже второе столетие путеводная звезда – Пушкин... А так, конечно, вся традиция XIX века так или иначе воспитывала нас. Толстой и Достоевский всегда, на каждом из нас отразились»². Не случайно в статье Е. В. Белопольской, обобщающей критические оценки творчества Солженицына конца XX – начала

XXI в., отмечено следующее: «Творческая индивидуальность А. Солженицына рассматривается авторами отзывов преимущественно в контексте русской классической литературы XIX в.»³. И в этом контексте внимание к Пушкину писателя XX–XXI вв. весьма знаменательно. Солженицын замечал: «Однако удивляться надо тому, сколько пушкинского мы перенесли с собою в XXI век»⁴.

О пушкинских традициях в творчестве Солженицына писали многие исследователи. Ж. Нива обращается к трагедии Пушкина «Борис Годунов» при осмыслении сновидческой темы в «Раковом корпусе» и «Красном Колесе»⁵. А. К. Жолковский представляет лейтенанта Зотова – героя рассказа «Случай на станции Кочетовка» – в свете пушкинского заглавного героя «Станционного смотрителя»⁶. По мнению В. Е. Хализева, героиня «Матрёнина двора» продолжает типологию героев «Капитанской дочки»: «Гринева и Миронова в пушкинском творчестве (особенно 1830-х годов) не одиноки. Им сродни... солженицынская Матрёна...»⁷. А. С. Немзер рассматривал диалог Солженицына с русской литературой XIX в. и в связи с «металитературностью» рассказа «Матрёнин двор»⁸, и в связи с богатством литературных аллюзий и реминисценций в «Красном Колесе». Обращаясь к «повествованию в отмеренных сроках» – «Красному Колесу», – Г. М. Алтынбаева и Л. Е. Герасимова сформулировали принцип взаимодействия Солженицына с литературной традицией на примере творчества Толстого: «В «Красном Колесе» А. И. Солженицын следует некоторым традициям Л. Н. Толстого, а также спорит с ним»⁹. Характеризуя диалог с русской классикой как «несводимый ни к полемике, ни к солидарности с прежним опытом»¹⁰, А. С. Немзер отметил внимание Солженицына к пушкинской традиции не только со стороны содержания (историческая тема, петербургский миф), но и со стороны формы (открытый финал «Евгения Онегина»)»¹¹.

По определению Л. Лукьяновой, «в писательской пушкинистике XX века А. Солженицын сказал своё веское слово, стал защитником светлого имени Поэта и его «оздоровляющего жизнечувствия»»¹². Вывод был сделан исследовательницей на основе анализа знаменитой статьи писателя «...Колеблет твой треножник», в которой Солженицын представил и такую характеристику Пушкина: «Ещё не имел и достаточно лет на мужанье и сотворенье, он стал верное на-

чало наше. А мы не так-то много, не так-то во многом за ним и пошли, скорее сказать: русская литература до сих пор недостаточно усвоила Пушкина...»¹³. В свете сказанного представляется важным понять, в чём современный писатель является наследником традиций писателя XIX – «золотого» – века русской литературы.

Творчество Пушкина традиционно делится на несколько периодов, и следующий после лица период – петербургский – может быть охарактеризован как время, когда происходит самоопределение молодого поэта в литературной среде. Ю. М. Лотман представляет следующую характеристику: «Выпущенный из лица, Пушкин поселился в Петербурге. Этот период отмечен сближением с декабристами. Поэт постоянно встречается с Ф. Глинкой, Н. Тургеневым, Чаадаевым и испытывает сильное воздействие их идей. Пушкин вступает в тесно связанные с декабристским движением литературные общества “Зелёная лампа” и Вольное общество любителей российской словесности. Его политическая лирика становится выразительницей идей “Союза благоденствия”... Попробовав в оде “Вольность” решить задачу создания актуальной политической лирики на основе традиции XVIII в., Пушкин в дальнейшем к этому опыту больше не обращался...»¹⁴. Действительно, ода «Вольность» – единственное, по сути, произведение, написанное в духе эстетики декабристского романтизма – развивает традиции просветительского классицизма.

Начальный этап русского классицизма, формировавшегося в послепетровскую эпоху, когда в стране шел процесс раздробления, расшатывания единого государства, в качестве доминанты выдвигал идею государства: в одической практике М. В. Ломоносова – поэта, «который слил себя с государством и государственной идеей»¹⁵, – государство и личность монарха обожествлялись настолько, что достигали уровня религиозного поклонения. Новый период развития русского классицизма, совпавший с правлением Екатерины II, – классицизм эпохи Просвещения – определяется как гражданский, для которого характерно центральное положение идеи о равной ответственности всех сословий, всех граждан перед законом. Полвека спустя Пушкин в оде «Вольность» будет декларировать гуманистический идеал свободы, которым руководствовались писатели XVIII в.:

Владыки! вам венец и трон
Даёт Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!¹⁶

Ю. М. Лотман отметил: «...создавая оду “Вольность”, Пушкин считал закон силой, стоящей над народом и правительством, воплощением справедливости»¹⁷:

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надёжную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой!¹⁸.

Заявив о приоритете закона в ранний период творчества, Пушкин в дальнейшем осмыслении проблем общественного развития, включавшего и трагическое противостояние, обращается к конфликту законности и милосердия. Ю. М. Лотман приходит к следующему выводу: «В период “Полтавы” поэт, перед которым раскрылась закономерность как основная черта истории человечества, склонен был считать великим лишь того исторического деятеля, который победил в себе всё случайное, индивидуальное, человеческое, слив своё “я” без остатка с прогрессивным историческим развитием. Но уже с “Героя”, с его требованием оставить “герою сердце”, всё более выдвигается вперёд представление о том, что прогрессивность исторического деятеля измеряется степенью его человечности»¹⁹.

«Капитанская дочка», опубликованная в декабрьском номере «Современника» за 1836 г., может считаться своеобразным завещанием классика «золотого века» русской литературы. В этой повести Пушкина представлено не только социальное противостояние, но и конфликт между формальным и человеческим отношением. Причем следует отметить, что формальные отношения существуют и в дворянском, и в крестьянском мире: «...люди, живущие в социально разорванном обществе, неизбежно находятся во власти одной из двух взаимоисключающих концепций законности и справедливости...»²⁰. Пётр Гринёв, соединявший замкнутые и разъединённо-разрушенные дворянский и крестьянский миры, со всей очевидностью осознал бесчеловечную грань идеи законности. Генерал, отказавший ему в роте солдат для спасения Маши Мироновой, равно как и сподвижник Пугачёва Белобородов, советовавший предводителю народного бунта применить пытку к молодому офицеру, оба были правы со стороны «своей» законности. Ю. М. Лотман пишет: «Везде, где человеческая судьба Маши и Гринёва оказывается в соприкосновении с оправданными внутри данной политической системы, но бесчеловечными по сути законами, жизни и счастьем героев грозит смертельная опасность.

Но герои не погибают: их спасает человечность»²¹.

Следует отметить и ещё одно важное наблюдение авторитетного исследователя: «Противопоставление милости и правосудия, невозможное ни для просветителей XVIII в., ни для декабристов, глубоко знаменательно для Пушкина»²². Утверждение темы милосердия как одной из определяющих позднее творчество Пушкина видим и в «Памятнике». Традиция переложения горацанской оды *Ad Melpomenen* (I в. до н.э.), чьи корни прослеживаются в древнеегипетском «Прославлении писцов» (конец II тысячелетия до н.э.), является одной из древнейших в мировой литературе традицией своеобразного «подведения итогов». Пушкин, избравший эпиграфом знаменитое «*Exegi monumentum*», однозначно продемонстрировал свою включённость в традицию. По определению Ю. М. Лотмана, одной «из своих высших духовных заслуг»²³ поэт, наряду с воспеванием свободы, считал утверждение милосердия:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал²⁴.

Солженицын в статье «...Колеблет твой треножник», заостряя внимание на строке, завершающей приведённую пушкинскую строфу, утверждал: «Это – не мимоходная фраза, это философия, “милость к падшим призывал”...»²⁵. И как каждое авторское переложение тридцатой оды древнеримского поэта высвечивает внутренний мир того, кто к ней обращается, так и сделанное Солженицыным замечание является, на наш взгляд, свидетельством совершенно определённых ориентиров его творчества.

В своей статье мы сознательно исключили рассмотрение конфликта закона и милосердия на примерах больших эпических форм у Солженицына (хотя подобный анализ сулит немалые перспективы), поскольку такое исследование выходит далеко за рамки жанрового масштаба научного сообщения. Однако и малая проза писателя позволяет увидеть особенности преломления чрезвычайно важного «пушкинского» конфликта в творчестве Солженицына. Следует также отметить и ещё один значимый нюанс: если во времена молодого Пушкина Закон представлялся высшей Справедливостью, а потому вызывал чувство поклонения, то во времена Солженицына, прошедшего ГУЛаг, сама идея правосудия казалась изжитой, а Закон виделся инструкцией, не всегда понятной, а иногда и просто бесчеловечной.

Следование инструкции и человечность в своем противопоставлении находят отражение и в «Одном дне Ивана Денисовича» (вспомним хотя бы эпизод столкновения Тюриня с Дэрмом из-за толя), и в «Матрёном дворе» («тянули торф у треста» деревенские бабы и Матрёна вместе с ними: бессердечие инструкции заставляет

эту инструкцию нарушать), и в других рассказах.

Герой рассказа «Случай на станции Кочетовка» (1962) лейтенант Вася Зотов, по характеристике О. А. Седаковой, «праведник социальности, праведник идеологии... по-своему безукоризненный герой, мученик собственных убеждений...»²⁶. Вывод О. А. Седаковой продолжает пояснения Солженицына, данные Демичеву в ответ на вопрос, обращённый к писателю, всегда ли он понимает что пишет и для чего: «“Кречетовка” – с заведомой целью показать, что не какое-то ограниченное число закоренелых злодеев совершали злодеяния, но их могут совершить самые чистые и лучшие люди, и надо бороться со злом в себе»²⁷.

Зотов несколько не сомневается в высшей справедливости установленного законом порядка: «Среди всех, – пишет О. А. Седакова, – только он целиком усвоил инструкции, которые ему даны»²⁸. В эпизоде с обсуждением случая убийства часовым одного из окруженцев, грабивших эшелон с мукой, юный комендант пытается поучать умудрённого жизнью Гаврилу Никитича, который уклонился от однозначного осуждения окруженцев: «– Вот старик непонятливый! – задело Зотова. – Да что такое порядок государственный – ты представляешь?»²⁹. Этот эпизод предваряет основную коллизию произведения, суть которого А. К. Жолковский определил следующим образом: «...добрый, положительный герой сдаёт на погибель близкого ему человека... Зотов как бы убивает брата своего, но не со зла, а исключительно ради идейного добра, как он его понимает»³⁰. «Случай на станции Кочетовка» – пример того, как следование требованиям законности порождает трагедию: «– Что вы делаете! Что вы делаете! – кричал Тверитинов голосом гулким, как колокол. – Ведь э т о г о н е и с п р а в и ш ь!»³¹

Но если эпизод с окруженцами нимало не поколебал веры лейтенанта в праведность закона, то случай с Тверитиновым породил внутреннюю дисгармонию, которая, возможно, приведёт к пересмотру казавшихся незыблемыми мироустановок: «...Но не уходил из памяти Зотова этот человек с такой удивительной улыбкой и карточкой дочери в полосатеньком платице.

Всё сделано было, кажется, так, как надо.
Так, да не так...»³².

И то, что «...никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека...»³³, позволяет, например, О. А. Седаковой сделать вывод: «Страдательным лицом, в конце концов, оказывается герой этого рассказа. И это не катастрофа, а начало другого пути»³⁴. Однако трагедии не удалось избежать, и оптимизм веры в духовное возрождение героя рассказа всё же омрачён случившимся.

Совсем иным предстаёт финал рассказа «Как жаль» (1965), где тоже описан случай, но произошедший не на железнодорожной станции во

время войны, а на московском бульваре на излёте сталинского правления. Героиня рассказа – Анна Модестовна – случайно натывается на уличный газетный стенд со статьёй, в которой упоминается её репрессированный отец – инженер-гидролог, начавший преобразования, восплаемые «корреспондентом нескупого пера». Рассказ базируется на реальном событии, отражённом Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Совсем недавно дочь В. А. остановилась на Арбате около витрины с газетой “Труд”. Залихватский корреспондент, не жалея хорошо оплачиваемых слов, бойко рассказывал о своей поездке по Чуйской долине, обводнённой и вызванной к жизни создателями-большевиками, о Нарынском каскаде, о мудрой гидротехнике, о счастливых колхозниках. И вдруг – кто ему о том нашептал? – закончил: “но мало кто знает, что все эти преобразования есть исполнение мечты талантливого русского инженера Васильева, не нашедшего сочувствия в старой бюрократической России. Как жаль, что молодой энтузиаст не дождал до торжества своих благородных идей!” Дорогие газетные строки замутились, слились, дочь сорвала газету с витрины и понесла под свисток милиционера»³⁵.

В рассказе встреча Анны Модестовны с милиционером представлена более подробно: милицейский свисток прозвучал, но дальше началось общение. Оно переросло рамки инструкции потому, что страж закона «хотел понять»³⁶ нарушительницу порядка. Как заметила С. Г. Гарифуллина, милиционер «ведёт себя не как представитель власти, а как человек: разрешает взять газету и отпускает не наказывая...»³⁷. Это случай торжества милосердия над законностью, пусть и на микроуровне: произошло то, что можно считать маленьким чудом. Видимо, такая трактовка позволила А. Е. Аркатовой рассматривать рассказ в традиции волшебной сказки: «Во время прогулки с Анной Модестовной случаются два чуда: чудо спасения – она неожиданно избегает наказания со стороны правоохранительных структур в лице патрульного – и чудо исполненного желания – милиционер... разрешает героине унести газетную страницу... он становится помощником героини в деле спасения её отца – третье чудо, пока ещё не осуществлённое»³⁸.

«Самое высокое достижение и наследие нам от Пушкина... всё сказать, всё показываемое видеть, о с в е т л я я его... через изведанные им, живо ощущаемые толщи мирового трагизма – всплытие в слой покоя, примирённости и света...», – писал Солженицын в статье «...Колеблет твой треножник»³⁹. И этому завету «непререкаемого духовного авторитета», как называл Пушкина Солженицын⁴⁰, писатель XX–XXI вв. следовал в своём творчестве, поскольку цель заключалась в том,

Чтоб вызрел плод поэта
Не к ненависти – к добру⁴¹.

Примечания

- 1 См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 18. Раннее. М., 2016. С. 246.
- 2 Солженицын А. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 445.
- 3 Белопольская Е. А. И. Солженицын в оценке критики последних лет // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2008. № 4. С. 6.
- 4 Солженицын А. ...Колеблет твой треножник // Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль, 1997. С. 245.
- 5 См.: Нива Ж. Сны в межзвездьях поэтики Солженицына // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : Сборник памяти : 1918–2008 / сост., подг. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. М., 2009. С. 249.
- 6 См.: Жолковский А. Солженицын. «Случай на станции Кочетовка». Лекция 5 // Русская литература XX века. Сезон 4. Курс № 31. URL: <https://arzamas.academy/courses/31/5> (дата обращения: 24.09.2018).
- 7 Хализев В. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005. С. 151–152.
- 8 См.: Немзер А. Русская словесность на Матрённом дворе // Солженицынские тетради : Материалы и исследования : альманах / гл. ред. А. С. Немзер. Вып. 3. М., 2014. С. 64–97.
- 9 Алтынбаева Г., Герасимова Л. Изучение творчества А. И. Солженицына в университете. Саратов, 2018. С. 12.
- 10 Немзер А. Диалог с русской классикой в «Августе Четырнадцатого» // Путь Солженицына в контексте Большого Времени : Сборник памяти : 1918–2008. С. 146.
- 11 Там же. С. 137–149.
- 12 Лукьянова Л. Оздоровляющее жизненное чувство. Солженицын о Пушкине // Москва. 1999. № 10. С. 198.
- 13 Солженицын А. ...Колеблет твой треножник. С. 246.
- 14 Лотман Ю. Пушкин // История всемирной литературы : в 8 т. Т. 6. М., 1989. С. 322.
- 15 Проскурин О. Империя и свобода («Памятник») // Проскурин О. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 297.
- 16 Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820. Л., 1977. С. 284.
- 17 Лотман Ю. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю. Пушкин : Биография писателя ; Статьи и заметки, 1960–1990 ; «Евгений Онегин» : Комментарий. СПб., 1995. С. 219.
- 18 Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. С. 287.
- 19 Лотман Ю. Идеальная структура «Капитанской дочки». С. 225.
- 20 Там же. С. 219.
- 21 Там же. С. 222.
- 22 Там же. С. 222–223.
- 23 Там же. С. 223.
- 24 Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 3. Стихотворения 1827–1836. Л., 1977. С. 340.
- 25 Солженицын А. ...Колеблет твой треножник. С. 247.

- ²⁶ *Седакова О.* Маленький шедевр : «Случай на станции Кочетовка» // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М., 2005. С. 328.
- ²⁷ *Солженицын А.* Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. С. 111.
- ²⁸ *Седакова О.* Указ. соч. С. 326.
- ²⁹ *Солженицын А.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. С. 169.
- ³⁰ *Жолковский А.* Указ. соч.
- ³¹ *Солженицын А.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. С. 207.
- ³² Там же. С. 208.
- ³³ Там же. С. 209.
- ³⁴ *Седакова О.* Указ. соч. С. 330.
- ³⁵ *Солженицын А.* Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956 : Опыт художественного исследования. М., 2000. С. 422–423.
- ³⁶ *Солженицын А.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. С. 262.
- ³⁷ *Гарифуллина С.* Читаем рассказ «Как жаль» // Первое сентября. Литература. 2010. 16/31 янв. № 2. URL: http://lit.1september.ru/view_article.php?ID=201000210 (дата обращения: 24.09.2018).
- ³⁸ *Аркатова А.* Глазами ребёнка : сказочный подтекст рассказа «Как жаль» // Солженицынские тетради : Материалы и исследования / ред.-сост. А. Немзер. Вып. 5. М., 2016. С. 217.
- ³⁹ *Солженицын А.* ...Колеблет твой треножник. С. 247.
- ⁴⁰ Там же. С. 250.
- ⁴¹ *Солженицын А.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 18. С. 246.

Образец для цитирования:

Павельева Ю. Е. Пушкинский конфликт в малой прозе А. И. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 464–468. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-464-468>

Cite this article as:

Pavelyeva Ju. E. Pushkin's Conflict in the Prose of A. I. Solzhenitsyn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 464–468 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-464-468>